

День за днем

Рубрику ведет
Евгения РУБЦОВА

Садовник Сердец

Григор ДАНЕЛЯН.

53 года.

Живет в Минске.

Рисует вечные истины

Армянский художник Григор Данелян родился в Тбилиси, в одном из тех самых дворишков, о которых написано больше, чем о героях грузинского и армянского эпосов, вместе взятых.

Он очень хорошо помнит свой самый первый рисунок — на нем было море и небо, в котором парила одна-единственная птица. Спустя много лет он прочел «Чайку по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха и понял, что на том самом первом своем рисунке изобразил именно ее. Еще лет через двадцать Григор вернулся к этой картине и нарисовал ее снова.

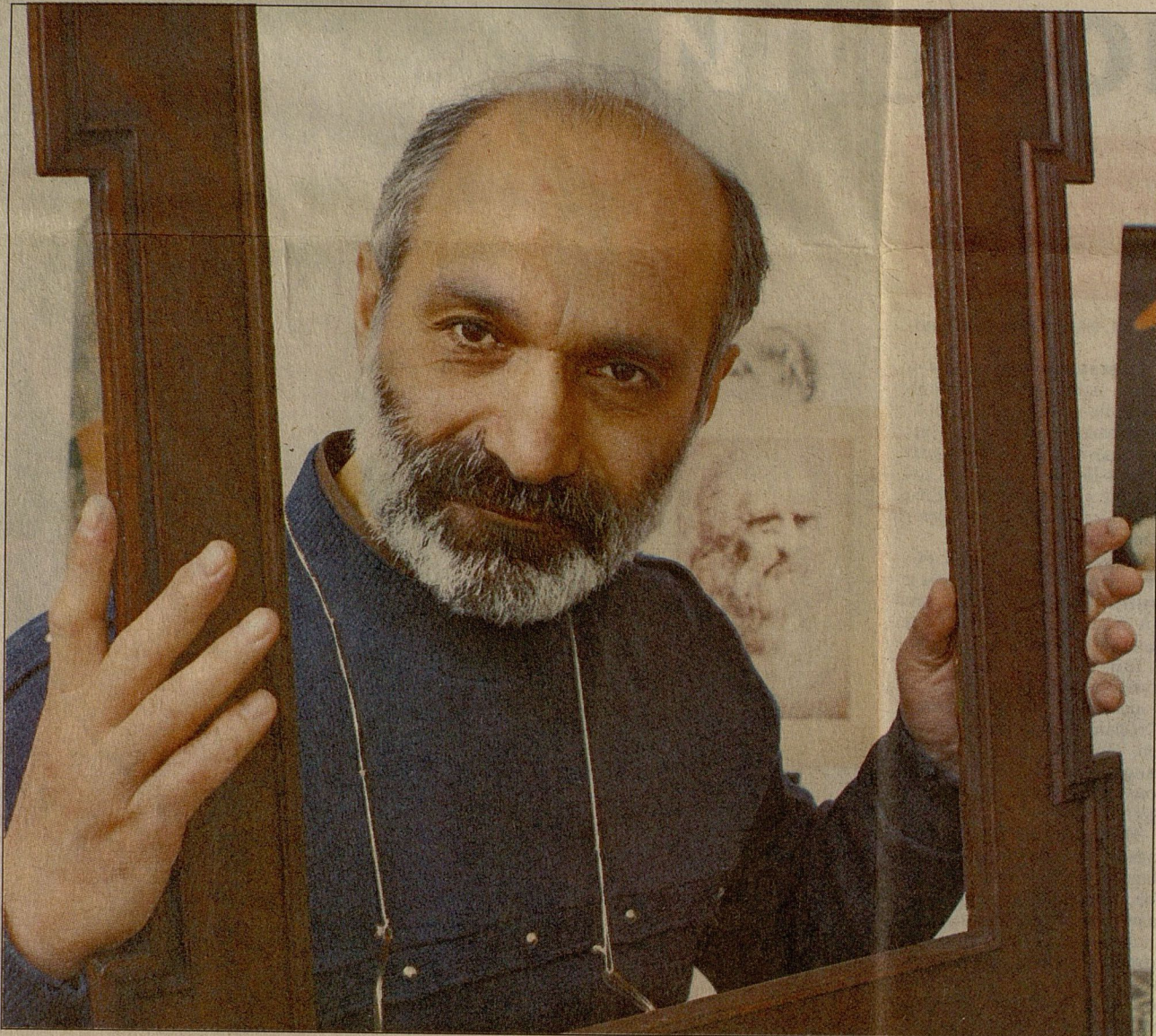
Он не собирался становиться художником. Рисование для него было не мечтой, а скорее потребностью — как в хлебе, воде, воздухе. Уже много лет Данелян работает по пятнадцать часов в день с одним выходным в неделю.

Впервые с Беларусью судьба семьи Данелянов пересеклась еще до рождения Григора. Здесь во время Второй мировой воевал его отец. В мирной жизни он был сапожником. «Уникальным», — уточняет Григор. Артем Данелян делал обувь для известных деятелей культуры. Сам придумывал модели, сам их шил. Его клиентами были известные певцы и художники. Когда у отца Григора нашли опухоль, простого сапожника оперировал министр здравоохранения СССР Петровский, а ассистировал ему Ваня — личный врач Берии. Но и они не смогли помочь. Хоронил его весь город.

Отец Григора был родом из Спитак. Так получилось, что первая персональная выставка художника открылась в Тбилиси в день спитакского землетрясения. Уже на следующий день Данелян был на месте трагедии. Под руинами разрушенного города у него осталось 17 родных.

Но страшное землетрясение 1988 г. стало лишь началом бед на Кавказе. «В 1989 — апогей войны в Карабахе, — перечисляет Григор, — тогда же — резня в Сумгаите, потом — резня в Баку... 9 апреля в Тбилиси на улицах полно танков, кровь на саперных лопатках, насилие, грабежи...» Григор почувствовал, что ему становится трудно дышать. С детства знакомый мир отторгал от себя людей, из последних сил пытавшихся сохранить крохи былого благополучия. С интервалом в несколько месяцев ушли из жизни два самых близких человека — мама и Сергей Параджанов.

Они познакомились случайно. Данелян шел на выставку со своей работой и вдруг увидел идущего ему навстречу Параджанова.

Текст Вероники ЧЕРКАСОВОЙ, фото Александра РУЖИЧКИ

люди

— Куда идешь? — спросил художник у художника.

— Сдавать работу на выставку, — ответил Данелян.

— Покажи, — попросил Параджанов.

— Где? Здесь? — Они стояли в центре города, посреди улицы, в толпе равнодушных прохожих, подгоняемых сигналами автобусов и машин.

— А что? — не понял Параджанов. И они расценили картину... Со временем они сблизились и подружились.

— Я никогда больше не видел таких глаз... невероятно глубоких глаз человека, который знает о жизни больше других, но чтобы не огорчать окружающих, готов унести в могилу это знание, умножающее скорбь и без того печального мира, — говорит Григор.

Параджанов заболел одновременно с его мамой. При нем он дежурил утром, а во второй половине дня бежал к матери.

На память от Параджанова у Данеляна остались три уникальные иконы, подаренные ему с условием никогда их не продавать. Но человек предполагает, а Бог располагает, и для того чтобы выжить, с одной иконой пришлось расстаться. «Согрешив», Григор пришел в пантеон, где похоронен Параджанов, и попро-

сил у него прощения. «Если ты сказал мне — не продавай, значит, знал, что продам», — то ли перед ним, то ли перед собой лукавил Данелян.

Место, оставшееся в душе после смерти двух самых близких ему людей, заполнила холодная чернота, которая лишь усугубляла наступивший в стране духовный голод.

И тогда он сказал жене: «Я все начну с нуля».

Григору было 43 года. Ни жилья, ни денег, зато пятеро детей. Чистый эксперимент: если что-то можешь — выплывешь. А нет — потонешь. Но тогда уже все равно где.

Все дороги были перекрыты, из Тбилиси выбирались на военном самолете. Потом попуткой ехали из Налчика, как во время войны. Пришлось оставить в Тбилиси все, включая библиотеку, насчитывавшую 5 тыс. томов, в которой были книги XV–XVI веков, деревянные издания братьев Сабашниковых, прижизненные издания Пушкина, Фонвизина...

В спокойную Беларусь попались вслед за родителями жены. Первое время снимали частный домик в Заславле. Хозяин попался колоритный — 120-килограммовый одинокий алкоголик, душевнобольной, периодически впадающий в

детство. Водку закусывал бутербродом по своему собственному рецепту: половину батона мазал толстым слоем масла, сверху клал убедительный кусок сала и от души посыпал все это изрядным слоем сахарного песка. Семья Григора присматривалась к ним. Когда они уезжали, хозяин плакал.

Жене Григора, пианистке, выпускнице Ереванской консерватории, в этой новой жизни пришлось научиться забивать гвозди и копать огород. Григор в это время писал картины.

В Беларуси к Данеляну пришел успех. Его работы разглядели в «Класс-клубе» — центре художественной жизни Минска начала 90-х. Там как-то сразу поняли, насколько талантлив новый неизвестный широкой публике художник, и вне очереди устроили его персональную выставку. В первый же день на ней было куплено шесть работ.

После этого жизнь изменилась к лучшему: стали продаваться картины, прошло 15 персональных выставок. Последняя состоялась в мае 2003 года. Ее посетили 30 тысяч человек. Минск принял армянина Данеляна, Данелян о Минске говорит: «Здесь я родился во второй раз».

За лицо кавказской нацио-

нальности Данеляна на улице порой останавливает милиция. Будучи доктором философии, Григор к этому относится философски. Армянам к сложностям жизни не привыкать, они, как облака, повсюду. Где есть земля — там есть армяне.

Последние десять лет Данелян работал над серией картин «В свете его света». По-восточному невозмутимые лица таинственно проступают из темноты полотен, излучают холодный неяркий свет, сродни лунному, загадочно мерцают древняя мудрая птица Симург, которую никто не видел, что, впрочем, не мешает ее рисовать. Цель проекта — создать Сад Сердец, который отражал бы идею рая в понимании Данеляна — места блаженства и успокоения духа. Когда в прошлом году картины выставились, впервые за долгие годы перед Национальным музеем стояла очередь. О том, чтобы выставить коллекцию в Нью-Йорке, сегодня хлопочет Шарль Азнавур.

На каждую из десяти картин уходило не меньше года. Теперь Данелян готовится начать работу над второй коллекцией «Вечные истины». Когда сказал об этом жене, она лишь заметила: «Ты самоубийца». Рассказывая об этом, Григор счастливо смеялся.